

РЕЙТИНГ ДОВЕРИЯ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Рейтинг доверия

«Автор»

2026

Велирский В.

Рейтинг доверия / В. Велирский — «Автор», 2026

В Мереже доверие измеряют взаимными поручительствами. Чем выше общий вес круга, тем проще получить жильё, работу, транспорт и лечение. А отказ наблюдать за близкими выглядит почти как признание вины. Девятнадцатилетняя аудитор Яна Верес верит в систему, пока не замечает невозможное: молчание её пропавшего брата Лина повышает рейтинг дома. Расследование приводит её к людям с нулевым голосом, чьё право возражать стало невидимым обеспечением чужой безопасности. Чтобы вернуть им выбор, Яне придётся разрушить собственную безупречную репутацию и доказать, что доверие без риска, срока и права отказа — всего лишь удобная форма контроля. «Рейтинг доверия» — социально-фантастический роман о цене прозрачности, семейном долге и мужестве оставить другого человека непроверенным.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пять звёзд соседу	7
Глава 2. Цена поручительства	11
Глава 3. Человек без отзыва	16
Глава 4. Третий запрос	21
Глава 5. Независимый арбитр	26
Глава 6. Круг двора	31
Глава 7. Голос брата	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Влад Велирский

Рейтинг доверия

От автора

Мы часто говорим о доверии так, словно это имущество. Его можно заслужить, накопить, потерять, вернуть. Человека называют надёжным, если он много раз поступал предсказуемо, а организацию — безопасной, если её обещания подтверждены правилами и опытом. Эта логика понятна: жизнь среди незнакомцев требует ориентиров. Мы садимся в транспорт, принимаем помощь врача, оставляем соседу ключи, подписываем договоры и каждый раз предполагаем, что другой человек выполнит свою часть. Без таких предположений город остановился бы за одно утро.

Но доверие не становится проще оттого, что мы научились его считать.

Число обещает избавить нас от мучительной неопределённости. Оно быстро, сравнимо и выглядит беспристрастным. Если рядом с именем стоит высокая оценка, решение будто бы уже принято кем-то до нас. Не нужно долго слушать, сомневаться, рисковать ошибкой. Достаточно согласиться с накопленным мнением. Каждая отдельная рекомендация может быть добровольной, каждое поручительство — разумным, каждая просьба подтвердить чужую надёжность — почти безобидной. И всё же из множества свободных действий иногда складывается порядок, в котором отказ становится слишком дорог.

Эта книга выросла из вопроса: что останется от доверия, если человек не вправе сказать «я не знаю»?

Не всякое молчание скрывает вину. Иногда мы молчим, потому что не видели события сами. Иногда не хотим превращать дружбу в свидетельские показания. Иногда защищаем чужую тайну, которая не принадлежит нам. Бывает и так, что точного объяснения нет: внутри остаётся смутное несогласие, ещё не готовое стать обвинением. Право не выносить суждение кажется слабым и непрактичным, пока общество не начинает требовать ответа на каждый вопрос. Тогда нейтральность исчезает. Молчание получает заранее назначенный смысл, а человек оказывается обязан доказывать не только добрые намерения, но и причины своего отказа.

В мире романа доверие создают не чиновники и не безличная машина. Его производят сами жители: соседи, коллеги, родственники, попутчики. Они поручаются друг за друга, делят последствия и получают доступ к тому, что делает общую жизнь удобнее и безопаснее. У этой системы есть настоящие достоинства. Она способна поддержать того, кому раньше никто не помогал, сделать ответственность видимой, связать обещание с поступком. Поэтому её нельзя отвергнуть одним возмущённым жестом. Люди держатся за неё не из глупости и не только из страха. Они помнят, какие беды она уменьшила, и знают цену возвращения к миру закрытых дверей.

Именно здесь возникает трудный конфликт. Хороший порядок опасен не тогда, когда он очевидно жесток, а когда его польза реальна, а несправедливость распределена так, что большинство её почти не замечает. Если безопасность одного круга оплачивается чужой невозможностью возразить, можно ли считать эту безопасность общей? Если поручительство дано под давлением будущих потерь, остаётся ли оно свободным? Если отказ снижает шансы не только отказавшегося, но и его близких, кто в действительности принимает решение?

Мне хотелось посмотреть на доверие не как на красивое чувство и не как на универсальную добродетель, а как на действие с последствиями. Поручаясь, человек отдаёт часть собственного имени. Принимая поручительство, он получает не истину, а чужую готовность рискнуть. Эта разница важна. Ни многолетняя дружба, ни безупречная история, ни единоду-

шие соседей не дают полного знания о другом. Они только помогают сделать шаг через неизвестность. Когда система обещает убрать неизвестность совсем, она незаметно меняет предмет сделки: вместо доверия предлагает контроль.

Контроль привлекателен тем, что снимает личную ответственность. Если итог оказался плохим, можно сослаться на процедуру, рейтинг, большинство свидетельств. Но доверие без возможности ошибиться — противоречие. Оно существует именно потому, что доказательств недостаточно. Мы принимаем решение, ограничиваем его срок и масштаб, замечаем цену ошибки, оставляем путь для пересмотра. Чем серьёзнее последствия, тем важнее знать не только кто за кого поручился, но и за что именно, на какое время и чем рисковал.

Роман не предлагает простого выбора между всеобщей подозрительностью и безусловной верой. Оба полюса освобождают от внимательного отношения к человеку. Подозрительность заранее превращает неизвестного во врага; безусловная вера требует закрывать глаза на опасность. Между ними остаётся более трудное пространство: задавать вопросы, не требуя исповеди; строить правила, не объявляя их вечными; принимать отказ, не делая вид, что он ничего не меняет; помогать, понимая, что помощь не покупает право на полную прозрачность.

Особенно важно различать доверие и репутацию. Репутация живёт в рассказах других. Она полезна, но неизбежно сокращает человека до набора известных поступков. Доверие всегда происходит сейчас и касается конкретного будущего. Можно уважать чью-то историю и не доверить ему определённое дело. Можно знать о человеке мало и всё же рискнуть рядом с ним в ясных границах. Репутация пытается перенести прошлое целиком; доверие выбирает, какая часть прошлого действительно относится к предстоящему поступку.

Читателю предстоит войти в город, где эта разница почти стёрлась. Здесь хорошие соседи внимательно следят друг за другом, забота требует отчётности, а общая безопасность зависит от цепочек личных обещаний. У каждого участника есть убедительная причина поддерживать порядок. У каждого отказа — видимая цена. И всё же у человека остаётся внутренняя область, которую невозможно честно превратить в общественный ресурс.

Мне не хотелось заранее сообщать, кто в этом споре прав. Герои будут ошибаться не потому, что не понимают очевидного, а потому, что защищают разные реальные ценности. Безопасность не является ложью. Свобода не отменяет последствий. Тайна может быть и убежищем, и оружием. Открытость способна остановить зло, но способна и превратить толпу в суд, где никто не отвечает за приговор. Любое решение здесь что-то спасает и что-то ставит под угрозу.

Поэтому главный предмет этой истории — не технология оценки и не тайна, спрятанная внутри неё. Это граница между общей необходимостью и личным правом. Где заканчивается разумная просьба подтвердить надёжность? Когда участие перестаёт быть добровольным? Может ли общество выдержать человека, который не согласен объяснять себя, и при этом не отказаться от взаимной ответственности?

Ответ рождается не в формуле. Он появляется в поступках: в обещании, которое можно ограничить; в отказе, который не обязан становиться признанием; в риске, который нельзя незаметно переложить на безмолвного; в готовности жить рядом с тем, о ком известно не всё. Такие поступки не дают безупречного порядка. Возможно, честное доверие вообще начинается там, где заканчивается мечта о безупречности.

Эта книга приглашает не разоблачить доверие, а увидеть его цену. И, увидев, решить, какую часть этой цены человек вправе предложить сам — и какую никто не должен взыскивать с него без согласия.

Глава 1. Пять звёзд соседу

К тому времени, когда Яна Верес открыла спорное поручительство, двор уже успел получить прибавку.

На схеме дома прибавка выглядела тонким янтарным ободком. Он охватывал четыре подъезда, аптечный шкаф у ворот и ночную остановку на углу. Плюс две целых семь десятых к устойчивости круга — достаточно, чтобы автобус после двадцати трёх часов снова делал здесь остановку, а курьерский модуль оставлял лекарства без личной встречи.

Жильцы праздновали. В общей ленте мелькали фотографии освещённого павильона, сердечки, обещания испечь пирог водителю первого рейса. Только в нижней части экрана пульсировала серая строка:

ОЦЕНКА ОСПОРЕНА. СВИДЕТЕЛЬ: СЕВА КРОЙ. ОБЪЕКТ: АРДЕН ШЕЛЬ.

Яна отодвинула кружку, чтобы не задеть сенсор локтем, и развернула цепочку риска.

Сева поставил соседу пять звёзд за «безопасное хранение общих ключей». Поручительство действовало девяносто дней. В обеспечение он внёс восемь пунктов личного доступа — немного, но достаточно, чтобы отзыв считался весомым. Через шесть часов после публикации Сева попытался снять оценку. Причина: ключ от подвального коридора исчез на сорок минут.

Система отказала.

— Почему ты решил, что ключ был у Ардена? — спросила Яна.

Сева сидел в переговорной на другом конце связи, слишком близко к камере. Его лицо дробилось на пиксели всякий раз, когда по общей сети проходил транспортный запрос. Он работал в ночной доставке и вышел на разговор между маршрутами; за плечом то открывалась, то закрывалась дверца грузового велосипеда.

— Я не решил. Я хотел убрать свою рекомендацию, пока не выяснится.

— Отзыв поручительства остаётся в истории. Но убрать его можно.

— Вот именно. Можно. А мне написали, что мой отзыв ухудшит доступ всего дома. Я нажал подтвердить — и увидел двенадцать имён. Там дети, пенсионеры. И остановка.

— Система показывает последствия решения. Это не запрет.

Сева посмотрел на неё так, словно она повторила особенно неудачную шутку.

— Если я нажму кнопку, у Нии снимут ночную доставку инсулина. Как это называется у вас, если не запрет?

Яна не ответила сразу. На её панели уже лежал стандартный вывод: свидетель неверно оценил срок и коллективную цену поручительства; признаков принуждения при публикации нет; отзыв доступен. Обычно такие дела занимали девять минут. Она уточняла, видел ли человек условия, проверяла касание подтверждения, закрывала спор. Сегодня таймер показывал двадцать две.

— Ночной доступ не снимается мгновенно, — сказала она. — Аптечный круг получает шесть часов на замену гарантии.

— В два часа ночи?

— В течение шести часов после отзыва.

— Значит, если я хочу поступить честно, мне надо сначала разбудить соседей и найти другого человека, готового поставить пять звёзд тому, у кого, возможно, пропал ключ.

Яна уменьшила громкость связи. Не потому, что Сева говорил громко, а потому, что за стеклянной перегородкой обернулись двое коллег. В Центре согласования не любили слово «честно». Оно почти всегда означало, что заявитель хотел превратить сомнение в льготу для себя.

— Чего вы хотите от проверки? — спросила она.

— Чтобы моё «не знаю» не считали ударом по дому.

— Вы знали, когда поручались.

— Тогда знал.

Сева отключился на сорок секунд: пришёл заказ. Яна отметила перерыв и открыла первичное событие. Девять дней назад Арден Шель менял замок на подвальной двери. Сева присутствовал, принял два запасных ключа, один передал старшей по дому. Его оценка была подтверждена действием и собственным риском. Всё правильно.

Кроме прибавки.

Пять звёзд Севы дали кругу четыре десятых. Ещё три поручителя — одну целую одну десятую. Даже с коэффициентом старых отзывов выходило меньше двух. Янтарный ободок показывал плюс две целых семь.

Она раскрыла вклад по участникам. Система привычно вывела цветные линии: зелёные — действующие поручительства, синие — совместные обязательства, белые — сервисные подтверждения. В самом низу находился тусклый узел без фотографии.

ЛИН ВЕРЕС. ГОЛОС: 0. ЗАПРОСОВ БЕЗ ОТВЕТА: 1.

Яна замерла, удерживая пальцы над экраном.

Узел не был связан с Севой. Лин числился в старом семейном круге, который она закрывала четыре года назад после его отъезда. Его имя иногда появлялось в архиве — система не удаляла прежние поручительства, — но влиять на текущий доступ он не мог. Нулевой голос не создавал оценок и не принимал их. Это было определением нуля.

Сева вернулся в связь.

— Вы ещё здесь?

— Да. Кто не ответил на запрос по ключу?

— Полдома. Его разослали утром.

— Я спрашиваю о Лине Вересе.

Сева прищурился, прочитал имя на своём экране.

— Не знаю такого. Может, жил раньше. У нас списки старые.

— Запрос отправляли всем участникам круга?

— Всем, у кого был доступ в подвал за последний год. Я нажал общий шаблон.

Яна ощутила знакомое раздражение аудитора: человек выбрал широкий запрос, не проверив адресатов, а разбираться с последствиями предстояло ей. За раздражением поднималось другое, менее удобное чувство. Лин никогда не имел доступа в этот подвал. В год последнего ремонта он уже не жил в Мереже. Кто-то или что-то добавило его в список после отправки.

— Я продлю заморозку вашего поручительства на два часа, — сказала она. — За это время старшая дома должна подтвердить местонахождение запасного ключа. Если подтверждения не будет, вы сможете отозвать оценку без штрафа за несвоевременность. Коллективные последствия останутся.

— А «не знаю»?

— Отдельного статуса для него нет.

— Тогда зачем вы спрашивали, чего я хочу?

Он завершил связь прежде, чем Яна успела придумать ответ, который не звучал бы служебной формулой.

Она сохранила решение. Таймер мигнул красным: тридцать одна минута вместо девяти. В правом углу сразу возникло сообщение от руководителя смены.

СЛОЖНОСТИ?

Яна написала: Проверяю ошибочный состав адресатов.

Ответ пришёл мгновенно: Состав определяет круг. Не расширяй предмет спора.

Это была разумная инструкция. Центр не расследовал устройство протокола при каждой жалобе на соседа. Иначе ни одна оценка не успевала вступить в силу. Яна закрыла окно переписки и снова нажала на узел Лина.

Доступ запрещён.

Она ввела номер дела Севы.

Доступ запрещён.

Выбрала основание «ошибка адресации».

На этот раз появилось пояснение: Узел без права свидетельства участвует только в расчёте устойчивости. Персональные данные не требуются для разрешения спора.

Яна перечитала фразу дважды.

— Нулевые не участвуют в расчёте, — произнесла она.

— Что? — спросил Дамир с соседнего места.

Он не оторвался от своей панели. Дамир умел слышать чужие реплики, не проявляя любопытства, и проявлять любопытство, не поворачивая головы.

— Ничего. Проверяю адресацию.

— Если шаблон широкий, отклоняй спор. Свидетель сам выбрал круг.

— А если в круг добавился человек после отправки?

Теперь Дамир посмотрел на неё.

— Добавился как?

— Вот и я хочу понять.

Он подъехал на кресле ближе. Яна успела свернуть карточку Лина, оставив общую схему.

— Покажи время, — сказал Дамир.

Они сравнили метки. Запрос ушёл в 08:14. Список участников был подписан кругом в ту же секунду. Янтарная прибавка возникла в 08:17, когда система зарегистрировала первое молчание. Формально никто не добавлялся: узел присутствовал с начала, просто в пользовательской копии Севы его скрывал фильтр активных голосов.

— Архивный участник, — решил Дамир. — Никакой ошибки.

— Почему его молчание добавило устойчивости?

— Не молчание. Совпадение по времени. Кто-то подтвердил старый риск.

— Вклад две целых семь. Кто?

Дамир протянул руку к экрану, но вместо раскрытия списка нажал на значок методики. Появилась короткая справка: итог учитывает активность круга, срок связей, распределение риска и достаточность откликов. Точная формула не показывалась даже аудиторам споров. Они видели только те части, которые требовались для решения заявителя.

— У тебя задача про отзыв, — напомнил он. — Ключ нашли?

— Ещё нет.

— Вот когда найдут, у тебя будет пять звёзд, довольный дом и ночной автобус. Когда не найдут — снимешь штраф за отзыв. Зачем тебе разбирать удачный результат?

Яна приблизила схему. Янтарный ободок мягко пульсировал, как знак ровного дыхания. Система не предупреждала об ошибке. Наоборот, она сообщала, что круг стал устойчивее. Кто-то не ответил — и всем остальным стало безопаснее.

— Потому что я не понимаю, откуда он взялся.

— Автобус?

— Результат.

Дамир вздохнул и вернулся на своё место.

— Верес, половина города держится на результатах, происхождение которых мы не обязаны разбирать в каждом деле. Для этого есть методисты.

— Мы подтверждаем справедливость последствий.

— Мы подтверждаем, что люди видели цену своих действий.

Он сказал это без насмешки. Именно так формулировалась работа Центра. Яна сама повторяла фразу стажёрам: аудитор не решает, хороший ли человек перед ним; аудитор проверяет, было ли решение осознанным и одинаково посчитанным для всех.

Над их столами зажглась полоса вечерней нагрузки. На общей стене районы Мережа сменяли цвета: где-то завершали рабочие поручительства, где-то жильцы подтверждали дежурства, родители передавали друг другу право забрать детей из секций. Тысячи мелких рисков сходились в линии доступа. Ни один человек не видел всей картины, и в этом считалась её защита: никто не мог единолично назначить городу надёжных и ненадёжных.

В учебном зале за перегородкой стажёр разбирал образцовый случай. Женщина поручилась за знакомого мастера, мастер сорвал срок, женщина отозвала рекомендацию и потеряла часть собственной квоты. На экране всё выглядело чисто. Поступок, обещание, цена, последствие. Яна всегда любила эту последовательность за то, что в ней не требовалось угадывать душу человека.

Серый узел Лина не укладывался ни в один из четырёх шагов. Он ничего не сделал, ничего не обещал, не назвал цену и всё же создал последствие.

В деле Севы решение было осознанным. Цена — видимой. Почти.

Старшая дома прислала запись с подвальной двери за минуту до окончания смены. Арден Шель взял ключ, чтобы впустить мастера к водяному насосу, и вернул его через сорок три минуты. Он отметил действие в журнале, но запись застряла в автономном замке и загрузилась только после синхронизации.

Сева увидел подтверждение и оставил пять звёзд. Дом сохранил остановку. В общей ленте появилась новая фотография: на скамейке под павильоном кто-то поставил бумажный фонарь. Подпись гласила: «Спасибо всем, кто не прошёл мимо».

Яна оформила вывод:

НАРУШЕНИЯ ПРИ ПУБЛИКАЦИИ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА НЕ УСТАНОВЛЕНЫ. ОБЪЕКТ ПОДТВЕРДИЛ ДЕЙСТВИЕ. ОТЗЫВ НЕ СОСТОЯЛСЯ. ДОСТУПЫ КРУГА СОХРАНЕНЫ.

Оставалось нажать «заккрыть».

Перед подтверждением система показала обязательный вопрос: Содержит ли дело признаки ошибки расчёта?

Две кнопки — «да» и «нет». Ответ «да» отправлял дело методистам и временно снимал прибавку со всего круга. Ночной автобус опять прошёл бы по дальней улице. Аптечному шкафу потребовалось бы личное подтверждение получателя. Сева увидел бы именно те последствия, которых испугался.

Яна посмотрела на имя брата. Серый узел оставался неподвижным. Он не поручался за Ардена, не отвечал на запрос и не имел права голоса. И всё же стоял внутри расчёта, который сделал чужой дом надёжнее.

Если она отметит ошибку, то поступит по правилам и накажет людей за то, чего пока не может доказать. Если отметит отсутствие ошибки, то подтвердит расчёт, которого не понимает.

Она выбрала «нет».

Дело закрылось, янтарный ободок стал сплошным. На панели возникло следующее поручительство — спор о совместной мастерской, обычный и срочный.

Яна открыла его, но прежде незаметно коснулась боковой грани стола. Личный экран распознал жест и сохранил последнюю схему не в журнал аудита, а в её черновики. Такие копии автоматически стирались через сутки и не считались материалом дела.

На сером фоне осталось три строки:

ЛИН ВЕРЕС. ГОЛОС: 0.

ЗАПРОСОВ БЕЗ ОТВЕТА: 1.

ВКЛАД В УСТОЙЧИВОСТЬ: СКРЫТ.

Яна назвала черновик «Ключ найден», чтобы не заметить его в списке случайно.

Потом начала проверять следующего человека.

Глава 2. Цена поручительства

На следующее утро лифт отказался везти Тамару Левину выше шестого этажа.

Тамара постучала за сорок минут до начала Яниной смены. Под мышкой она держала коробку с новым слуховым модулем, который мастерская выдавала только сегодня. Старый превращал голоса в металлический скрежет.

На панели возле двери горел янтарный знак временного ограничения. Ночной обход дома не подтвердил, что Тамара вернула ключ от технической террасы. Пока ключ числился у неё, автоматический доступ разрешал только путь от квартиры до выхода. Подняться обратно можно было с сопровождающим или после поручительства соседа.

Тамара утверждала, что вечером отдала ключ старшей по дому, но та уехала с заболевшим внуком и не внесла запись. Поручительство Яны открыло бы лифт на три часа — достаточно для поездки в мастерскую.

— Вы точно вернули ключ?

Тамара приподняла брови.

— Нет, Яночка. Я решила в семьдесят два года начать новую жизнь с захвата технической террасы.

— Мне нужно услышать ответ.

Шутка исчезла с её лица.

— Вернула. В двадцать один десять. Ключ был в сером конверте, вместе с журналом полива. Вера взяла его левой рукой, потому что правой держала телефон.

Подробность была хорошая. Не доказательство — признак настоящего воспоминания. Яна открыла форму поручительства на домашней панели.

Форма назначила срок в три часа и риск в 0,6 личного доступа: задержку рабочего маршрута и снижение веса будущих свидетельств. Яна часто объясняла, что именно риск делает слова значимыми. На домашнем экране шесть десятых выглядели крупнее.

— Тогда не надо, — сказала Тамара. — Посижу внизу до возвращения Веры.

— Модуль вернут в очередь.

Тамара сказала это ровно, без просьбы. Именно поэтому Яна нажала «подтвердить».

Панель запросила отпечаток действия: фотографию конверта, запись передачи или второе свидетельство. Ничего не было. Яна выбрала «личное знание участника» и поставила собственный балл. Янтарный знак погас.

Лифт пришёл сразу.

— Теперь я тебе должна, — сказала Тамара.

— Поручительство не долг.

В Центре домашнее поручительство отметило профиль Яны серым значком. Дамир заметил его раньше, чем поздоровался.

— Соседка вернула ключ без записи, — объяснила Яна.

— И ты видела?

— Я знаю её.

— Это не ответ аудитора. В своём профиле ты всегда аудитор.

Яна открыла очередь споров. Вчерашний черновик «Ключ найден» должен был исчезнуть вечером. До этого она хотела понять, повторится ли невозможная прибавка от нулевого голоса в другом круге.

В 10:27 Тамара прислала короткое сообщение: МОДУЛЬ ПРИНЯЛИ. ЕДУ ОБРАТНО. ЧАЙНИК ПОКА ПРОИГРАЛ.

В 10:41 домашний круг сообщил, что ключ не найден.

Яна перечитала уведомление. Вера, старшая по дому, восстановила доступ к журналу и внесла передачу серого конверта, но в ячейке хранения конверта не оказалось. Запись подтверждала слова Тамары наполовину: она действительно отдала предмет, однако действие считалось завершённым только после помещения ключа в ячейку.

Система предложила два варианта: отозвать поручительство с сохранением истории либо расширить его до совместного поиска. Во втором случае риск возрастал с шести десятых до двух целых четырёх.

Яна вызвала Тамару.

Соседка ответила не сразу. За её спиной дрожал салон автобуса.

— Я уже на Кольцевой, — сказала она. Новый модуль делал голос непривычно ясным.
— Что случилось?

— В ячейке нет ключа.

— Значит, Вера не положила.

— Она подтверждает конверт, но не содержимое.

— Ты думаешь, я отдала ей пустой?

Яна понизила голос, хотя вокруг шумели десятки разговоров.

— Я думаю, что сейчас не знаю, где ключ.

Тамара отвернулась к окну. Мереж двигался за ней полосами мокрого стекла: остановки, дворы, светлые входы с цветными ободками доступа.

— Отзови, — сказала она. — Не хватало ещё, чтобы ты из-за меня ходила пешком.

— Тогда ваш подъём снова заблокируют. Вы сможете войти только с сопровождающим.

— Доеду и подожду.

— На улице дождь.

— Я пережила времена, когда дождь не согласовывали с рейтингом.

У Яны оставалось тридцать две секунды до автоматического отзыва. На панели рядом с вариантами появилась схема цены. Если она расширит поручительство, вечерний экспресс останется доступен при условии, что домашний круг предоставит второе обеспечение. Система уже подобрала его: неактивный семейный узел, связанный с Яной.

Серый круг. Без фотографии.

ЛИН ВЕРЕС. ГОЛОС: 0. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РЕЗЕРВ: 1,8.

Сумма сходилась точно. Её шесть десятых плюс его одна целая восемь — две целых четыре.

Яна перестала слышать Тамару. Вчера молчание Лина дало чужому дому устойчивость. Сегодня система предлагала оплатить её собственное решение его нулевым голосом. Не совпадение по времени. Не старый риск, как предположил Дамир. На экране прямо стояло слово «резерв».

До отзыва оставалось девятнадцать секунд.

Яна коснулась строки Лина. Открылась справка без персональных данных.

Резерв не является поручительством. Участник не приобретает обязательств. Перераспределение не влияет на его голос.

На голос, которого нет.

— Яна? — позвала Тамара. — Отзывай.

Если согласиться, соседка поднимется домой. Вера найдёт конверт, дело закроется, а Лин ничего не потеряет — так утверждала форма. Если отказаться, Тамара останется у подъезда из-за чужой ошибки. Яна могла сохранить чистоту собственного решения, переложив его цену на женщину, которой доверяла достаточно, чтобы открыть дверь, но недостаточно, чтобы принять риск без доказательства.

Осталось семь секунд.

Она выбрала расширение.

Система попросила подтвердить дополнительное обеспечение. Яна нажала «только личный риск», сняв отметку с серого узла.

Кнопка не сработала.

МИНИМАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СВЯЗИ НЕ ДОСТИГНУТА.

Четыре секунды.

Яна подтвердила форму целиком.

— Езжайте домой, — сказала она. — Доступ открыт до половины второго. Я разберусь.

Тамара долго смотрела на неё с маленького экрана.

— Ты сейчас сказала не тем голосом, которому я верю.

Связь оборвалась.

В профиле Яны шесть десятых окрасились синим: активный личный риск. Рядом возникла серая строка Лина. Через мгновение цифра дополнительного резерва уменьшилась с 1,8 до 1,2.

С него списали шесть десятых — ровно столько, сколько внесла Яна.

Она сохранила экран в личный черновик «Слуховой модуль» и открыла форму ошибки расчёта. Проверка на десять дней замораживала квартиру Тамары, её маршрут, медицинский круг матери и доступы пяти соседей. Лин стоял внизу списка с пометкой перерасчёт резерва, будто у него нечего отнять.

— Цена сомнения тоже должна кому-то принадлежать, — сказал подошедший Дамир.

— Почему тем, кто не видел расчёт?

— Они связались поручительствами. Ты утром сделала то же самое.

Яна закрыла форму, не отправляя. Она решила дождаться ключа: иначе попытка провести списание немедленно наказывала десять человек, а часть цены всё равно нес Лин, которого никто не спрашивал.

В 12:08 Вера нашла ключ. Серый конверт лежал не в ячейке, а в кармане её плаща. Она записала видео: показала номер, неповреждённую пломбу и журнал передачи. Домашний круг признал действие завершённым.

Риск Яны вернулся не полностью.

Из шести десятых система восстановила четыре. Две десятых удержала как цену расширения непроверенного поручительства. В строке пояснения значилось: свидетель принял дополнительную неопределённость после уведомления.

У Лина восстановление не произошло. Его резерв остался на отметке 1,2.

В истории события были её подтверждение, видео Веры и возврат четырёх десятых, но ни одной операции по Лину. Серая цифра уменьшилась без времени, основания и права оспорить. Внутренний справочник термина «дополнительный резерв» применительно к людям не знал.

В 13:02 проходная сообщила об изменении её рабочего профиля.

ВЕС СЛУЖЕБНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА ВРЕМЕННО СНИЖЕН. ОСНОВАНИЕ: РАСХОЖДЕНИЕ ЛИЧНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОРОГА РИСКА.

До конца недели решения дороже двух пунктов требовали второго аудитора. Хуже того, конкурс независимых арбитров учитывал непрерывный служебный вес за девяносто дней; теперь её строка обрывалась сегодняшним числом. Руководитель назначил вторым проверяющим Дамира. Первое личное последствие расследования стоило Яне двух лет пути к повышению.

— Подтверждай быстро, — сказала она над первой совместной заявкой.

— Только если увижу нужное действие.

Это была та же граница, которую она утром переступила ради Тамары: ясная и бесполезная, когда помощь требовалась раньше доказательства.

В 17:36 черновик «Ключ найден» предупредил об удалении через шесть минут.

Яна перенесла на бумагу без идентификаторов: «Н-0», затем 2,7 вчера, 1,8 сегодня и 1,2 после её решения. Разница равнялась её вкладу — шести десятым. Она ещё не могла доказать природу чисел, но часть цены её доверия исчезла там, где система обещала отсутствие обязательств.

В 17:42 первый черновик стёрся.

Второй — «Слуховой модуль» — должен был прожить до завтра. Яна открыла его перед выходом. На снимке серый узел всё ещё показывал резерв 1,2. Она приблизила нижний край формы и заметила строку, которую утром закрывала кнопка подтверждения:

Источник обеспечения: семейная передача права возражения. Срок восстановления определяется устойчивостью принимающего голоса.

Принимающим голосом была она.

Пока Яна сохраняла служебный вес, резерв Лина мог восстанавливаться. После сегодняшнего поручительства её вес снизился. Значит, она не просто воспользовалась тем, что у него отняли когда-то. Она сделала удержание дольше.

На выходе турникет не открылся с первого касания. Попросил второе подтверждение маршрута: последствие сниженного служебного веса. За спиной собралась очередь. Яна приложила ладонь ещё раз и услышала мягкий сигнал допуска.

Тамара ждала её во дворе под прозрачным козырьком. Новый модуль был почти незаметен за седыми волосами. Соседка держала тот самый серый конверт.

— Вера отдала мне как улику против старости, — сказала она. — Ключ уже в ячейке. При тебе проверила.

— Хорошо.

— Тебе вернули баллы?

— Не все.

— Из-за меня?

Яна хотела сказать «из-за правила». Потом — «из-за моего решения». Оба ответа снимали часть вины и оставляли часть правды за кадром.

— Я знала цену, когда подтверждала, — сказала она.

Тамара коснулась нового модуля.

— Теперь я слышу каждое слово. А верю всё равно не всем.

Она протянула конверт Яне, словно та могла предъявить его на службе и вернуть утраченное. Яна не взяла.

— Оставьте у старшей.

— Уже оставила. Этот пустой.

Тамара раскрыла клапан. Внутри ничего не было.

— Один и тот же вид, — сказала она. — А ты всё спрашивала про передачу. Надо было спрашивать, кто проверил содержимое.

Яна посмотрела на пустой конверт и подумала о семейной передаче права возражения. В системе тоже была запись о действии, срок и принимающий голос. Только содержимое никто не показывал.

— Вы помните Лина? — спросила она.

Тамара не переспросила имя.

— Конечно.

— Когда он уехал?

— Ты лучше меня знаешь.

— Я знаю дату. Я спрашиваю, что было перед этим.

Новый модуль едва слышно пискнул, подстраивая громкость под шум дождя. Тамара посмотрела на окна их дома.

— Перед отъездом он три ночи ходил по соседям и просил отозвать поручительства за вашу семью. Никто не согласился. Мы думали, он хочет вам навредить.

— Почему он просил?

— Не объяснил. А когда человек не объясняет, все объясняют за него.

Тамара сложила пустой конверт пополам.

— Утром ваш круг снова стал зелёным. Мать сказала, Лин всё исправил. Через неделю он исчез из дома.

Яна почувствовала, как в кармане нагревается личная панель: система предлагала оценить успешность поручительства за соседку. Пять звёзд означали бы, что риск был оправдан. Одна — что Тамара подвела её. Отказ от оценки оставлял событие незавершённым и через три запроса повышал риск всего домашнего круга.

— Что мне поставить? — спросила Тамара, увидев экран.

— Ничего.

— За молчание тоже снимут.

— Знаю.

Яна закрыла запрос без ответа. Впервые сделала это, заранее видя таймер трёх напоминаний.

Потом поднялась домой по лестнице. Лифт был доступен, но на его панели светились пять пустых звёзд, ожидая решения.

Глава 3. Человек без отзыва

Утром имя Лина появилось в списке доступа к делу о пропавшей аптечной посылке.

Яна заметила его не сразу. Ночь закончилась четырьмя часами сна, а служебная панель встретила её очередью из семнадцати споров. В верхней строке мигала заявка из распределительного пункта на Речной: курьер оставил контейнер с препаратами у запасного входа, контейнер исчез, трое свидетелей дали несовместимые отзывы. Обычный случай, если не считать лекарства и красную отметку срочности.

Список участников раскрылся по касанию: курьер, приёмщица, грузчик, двое жильцов. И внизу — серый узел без рейтинга:

Лин Верес. Действующий участник события. Право свидетельства: отсутствует.

Система признала присутствие, риск или действие Лина. Но его рассказ нельзя было принять ни как отзыв, ни как возражение, ни даже как источник вопроса.

Она открыла карточку. Вместо фотографии — серый круг. Вместо истории — сообщение: голос передан; принимающий контур активен. Ни адреса, ни связи, ни даты последнего доступа. Только три события за последние двое суток: двор на Садовой, распределительный пункт на Речной и ночной автобус двадцать второго маршрута.

Лин не просто существовал где-то в резерве. Он передвигался по городу.

— Ты уже выбрала версию? — спросил Дамир, ставя на край её стола стакан воды.

После снижения служебного веса он обязан был подтверждать решения дорожки двух пунктов. Руководитель назвал это страховкой, но в панели рядом с его именем стояло другое слово: поручитель.

— Пока выбираю вопрос.

Яна повернула экран. Дамир прочитал строку о Лине, и его лицо не изменилось. Только стакан перестал касаться стола и завис в пальцах.

— Участник без права свидетельства, — сказал он. — Такое бывает при медицинской недееспособности.

— Тогда указывают представителя. При временной блокировке указывают срок. Здесь голос передан.

— Семейная передача не запрещена.

— Я не спрашиваю, запрещена ли она. Я спрашиваю, почему человек, который не может говорить в системе, считается действующим участником дела.

Дамир поставил воду.

— Потому что действие и отзыв — разные сущности.

— Значит, его действие можно использовать против других, а его объяснение — нельзя?

— Не обязательно против.

Яна раскрыла схему события. В 21:14 контейнер отмечился у запасного входа. В 21:17 приёмщица подтвердила, что дверь была закрыта. В 21:19 жильцы увидели курьера на лестнице. В 21:22 система зарегистрировала совместное действие Лина и Романа: перенос груза. В 21:26 контейнер исчез из зоны. Роман утверждал, что Лин назвался помощником пункта. Ида отрицала, что посылала помощника. Двое жильцов оценили Романа положительно — он раньше доставлял им заказы и входил в их транспортный круг.

Свидетельство Лина могло решить дело. Система знала, что он переносил контейнер, но не позволяла спросить куда.

— Поедем на Речную, — сказала Яна.

— Решение можно принять по журналу.

— Можно. И тогда курьер потеряет медицинский допуск, потому что у него меньше поручителей, чем у приёмщицы. А лекарства всё равно не найдутся.

Дамир посмотрел на красный таймер. До автоматического решения оставалось три часа сорок минут.

— Я подтверждаю выезд на час.

— На два.

— На час двадцать. Иначе риск ляжет на мой круг.

Раньше Яна сочла бы это трусостью. Теперь видела точный обмен: он отдавал ей восемьдесят минут своего доступа. Она подтвердила.

Распределительный пункт занимал первый этаж старой прачечной. У главного входа люди прикладывали ладони к панели, и дверь пропускала их с разной скоростью.

Запасной вход выходил в узкий проезд. Над дверью не было камеры — только датчик совместного действия, две световые метки и потёртая табличка с правилами риска. Яна попросила Иду повторить вечерний маршрут.

Приёмщица была женщиной лет сорока с короткими волосами и зелёной полосой медицинского круга на рукаве. Она двигалась быстро и всякий раз останавливалась точно в границах датчиков.

— Я ждала контейнер внутри, — сказала Ида. — Курьер обязан был вызвать меня. Он не вызвал.

— Почему?

— Спросите его.

— Спрашиваю вас: что могло помешать вызову?

Ида посмотрела на Дамира, словно искала старшего аудитора.

— Связь у двери иногда задерживается, — признала Ида. — Но это не отменяет инструкции.

— Кто имел доступ к запасному входу?

— Я, сменный мастер и зарегистрированные помощники.

— Лин был зарегистрированным помощником?

Пауза длилась меньше секунды, однако панель Яны обозначила её как событие неопределённости.

— В списке смены его нет.

— Это не ответ.

— Его привлекали раньше. Временное поручительство. Он разгружал тяжёлые контейнеры за питание и место в ночном модуле.

— Чьё поручительство?

Ида провела пальцем по зелёной полосе на рукаве.

— Пункта.

— У учреждения нет личного риска. Назовите человека.

— Моё.

Дамир тихо выдохнул. В журнале Ида отрицала, что посылала помощника, но не отрицала прежней связи. Различие было аккуратным и выгодным: если Лин сам пришёл к знакомой двери, она сохраняла рейтинг; если его вызвали — отвечала за него.

Яна запросила историю временного поручительства. Панель предложила Иде согласиться на раскрытие. Та отказала, и над зелёной полосой загорелась янтарная точка. Отказ был разрешён. Цена отказа стала видимой, но содержание осталось закрытым.

— Я не обязана открывать чужую историю ради ошибки курьера.

— Не обязаны, — согласилась Яна. — Тогда покажите журнал открытия двери.

В 21:23 дверь открылась изнутри. Идентификатор действия принадлежал Иде. Через сорок секунд она закрылась. Контейнер пересёк порог, но складская ячейка его не приняла.

— Вы сказали, что ждали внутри, — напомнила Яна.

— Я открыла дверь, увидела Лина и отказалась принимать груз без курьера.

— Почему этого нет в отзыве?

— Потому что отзыв был о курьере. Лин не субъект оценки.

Фраза прозвучала так буднично, что Яна не сразу поняла её смысл.

— Но он субъект действия.

— Это разные сущности, — повторила Ида словами Дамира.

Во дворе стоял металлический ящик для возвратной тары. На его крышке виднелась свежая дуга, будто тяжёлый контейнер протащили к стене. Яна присела. Между ящиком и водосточной трубой лежала разорванная пломба с номером аптечной партии.

Ида побледнела.

— Я этого не видела.

— Верю. Вы смотрели на человека, а не на груз.

Они нашли контейнер в подвале соседнего дома. Он был пуст, но температурный индикатор оставался синим: лекарства вынули не позднее чем через двадцать минут после доставки. Домовой журнал показал, что в 21:31 Лин вошёл через служебную дверь вместе с жильцом по имени Савел. В 21:38 Савел вышел с непрозрачной хозяйственной сумкой. Его отзыв о событии отсутствовал.

Савел жил на втором этаже. Дверь открыла девочка с ингалятором в руке. За её плечом на столе лежали две упаковки препарата из пропавшей партии.

— Папа на работе, — сказала она. — Он принёс это вчера. В пункте опять сказали ждать до пятницы.

Яна не вошла. Она попросила девочку позвонить отцу и включить громкую связь. Савел ответил после четвёртого сигнала. Услышав имя аудитора, он сначала замолчал, затем произнёс:

— Лин показал на контейнер, потом на мой дом. Он знал про Милу. Все во дворе знают.

— Вы вскрыли пломбу?

— Я. Он даже не прикасался. Внутри было шесть упаковок. Я взял две. Остальные отнёс в ночной модуль на Ткацкой. Там трое ждут допуска к поликлинике.

— Почему вы не сообщили пункту?

— Чтобы Ида поставила мне единицу? Она уже отказала Миле в экстренном круге. Сказала, один приступ не подтверждает устойчивый риск.

— Вы понимаете, что оставили других пациентов без препаратов?

— Понимаю. А они понимают, что оставили без них мою дочь?

Панель предложила Яне запросить отзыв о Савеле у соседей. Она закрыла предложение. Вместо этого зафиксировала местонахождение четырёх упаковок и вызвала медицинского распределителя. До его прибытия лекарства нельзя было ни вернуть, ни оставить: каждое решение требовало поручителя с достаточным весом.

Дамир согласился поручиться за сохранность препаратов на час. Яна — за то, что Мила не останется без дозы до пересмотра назначения. Их круг замкнулся на одном столе, рядом с девочкой, которая следила за движением взрослых и ничего не понимала в цене их согласия.

— Остался вопрос, — сказал Дамир на лестнице. — Откуда Лин знал номер контейнера и время доставки?

Яна открыла карточку события. Совместное действие Лина и Романа было зарегистрировано в 21:22, но имя Лина появилось в списке доступа лишь сегодня утром. Система добавила его задним числом после того, как дело получило красную срочность.

— Не откуда он знал, — сказала она. — Почему система решила показать, что он знал.

В управлении Роман ждал их у стойки споров, держа шлем под мышкой.

— Я не отдавал груз постороннему, — повторил он. — Серый узел приложил ладонь, дверь признала совместное действие. Я решил, что он помощник.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет. Показал на дверь.

— Вы спросили имя?

— Панель показала участие. Зачем спрашивать то, что уже подтверждено?

Яна вывела на общий экран карточку Лина. Роман узнал его по серому кругу быстрее, чем можно было узнать человека без фотографии.

— Вот этот.

— Здесь нет лица.

— Серый узел был такой же. И рост совпадает.

— Рост не указан.

Курьер замолчал. Его уверенность была собрана из подсказок, которые система показала после события. Яна попросила описать вечер заново без экрана. Теперь Роман помнил тёмную куртку, хромоту и светлую полосу помощника пункта. Лин не хромал — по крайней мере, когда жил дома.

Яна разделила дело на два решения. Роман нарушил порядок передачи, но его ошибка не доказывала присвоения. Ида скрыла открытие двери. Савел распределил препараты самостоятельно. По каждому действию нашёлся человек, способный возражать.

Кроме Лина, чьё имя связывало их всех.

Когда Яна нажала «предварительный вывод», система потребовала оценить достоверность действующего участника. Под серым кругом появились пять пустых звёзд.

Она выбрала «невозможно оценить: отсутствует право свидетельства».

Панель ответила: отказ от оценки повышает неопределённость связанного круга.

— Вот и третий запрос, — сказал Дамир.

Первым был запрос после поручительства за Тамару. Вторым — повторное напоминание ночью. Третий превращал её молчание из личного решения в риск для семьи. На боковой панели уже открылась схема: мать, домашний медицинский доступ, два соседских поручительства и семейная транспортная квота. Система не угрожала. Она показывала цену.

Яна посмотрела на имя брата. Пять звёзд сделали бы его удобным объяснением. Одна звезда превратила бы в виновного, который не мог защищаться. Любая оценка создавала свидетельство без свидетеля.

Она снова выбрала отказ.

На этот раз панель попросила основание. Яна написала: «Участник признан действующим, но лишён технической возможности сообщить собственную версию. Оценка достоверности невозможна до восстановления права свидетельства».

Дамир подтвердил формулировку своим доступом. Он сделал это не быстро: прочитал дважды, открыл схему риска и только потом приложил ладонь.

Ответ пришёл сразу.

Право свидетельства не утрачено. Оно передано принимающему голосу. Для получения версии направьте запрос держателю права.

Ниже появилась кнопка, которой раньше не было: направить третий запрос.

— Третий кому? — спросил Дамир.

Яна нажала на пояснение. Система показала не имя, а свой собственный служебный идентификатор семейного контура. Получателем значился принимающий голос Лина. Строкой ниже стояло предупреждение: отсутствие ответа в установленный срок будет истолковано как дополнительная неопределённость всех связанных лиц.

То есть запрос уйдёт не брату. Он уйдёт тому, кто пользуется его правом возражать.

Яна отправила его.

Семейная схема мигнула. Рядом с именем матери появился таймер: сорок восемь часов. Рядом с её собственным — тот же срок. У Лина времени не было вовсе.

Через семь секунд в деле о пропавшей посылке возник новый участник. Без имени, адреса и рейтинга.

Принимающий голос подтвердил получение запроса. Ответ будет дан после проверки устойчивости семьи Верес.

Яна закрыла дело, не завершив его. Лекарства нашли, виновные действия разделили, но главный свидетель по-прежнему не мог произнести ни слова. Зато кто-то, скрытый за его молчанием, теперь знал, что она начала спрашивать.

Глава 4. Третий запрос

Таймер не исчез, когда Яна закрыла дело об аптечной посылке. Он переместился в верхний угол панели и остался поверх расписания, служебных уведомлений и схемы пути домой.

47:36:12.

Пока она смотрела, последнее число уменьшилось дважды. Кто-то уже расходовал её время.

— Это семейный срок, — сказал Дамир. — На рабочем экране ему делать нечего.

Он попробовал свернуть плашку. Панель запросила подтверждение Яны, но вместо кнопки «скрыть» возникло предупреждение: видимость срока снижает вероятность непреднамеренного отказа.

— То есть не убрать, — сказала Яна.

— Убрать можно. С последствиями.

Скрыть таймер на четыре часа можно было ценой одной десятой семейной устойчивости. Яна отдернула руку.

Дамир забрал со стола полный стакан и пообещал закрыть аптечное дело после ответа распределителя. Теперь каждую фразу он строил так, чтобы она выдержала чужой пересказ. Снижение служебного веса Яны изменило не только доступы: рядом с ней люди начинали говорить осторожнее.

У выхода панель задержала её на семь секунд. Обычно семейный транспортный круг пропускал Яну без паузы. Теперь над створками горела янтарная полоса.

Связанный круг требует уточнения. Доступ сохранён. Время ожидания увеличено.

Люди видели причину. Мужчина переступил в соседнюю очередь, женщина отвела ребёнка на полшага. Они лишь уменьшали собственный риск.

В автобусе Яна открыла семейную схему. За час показатель опустился на три десятых. Возле её имени значилось: «неопределённость ответа», возле матери: «медицинский доступ — подтверждение при следующем обращении».

Лин по-прежнему не имел показателя. От его серого узла тянулась линия к пустому шестиугольнику принимающего голоса. Линия входила в семейный круг, но не показывала направления.

Система сообщила: передача подтверждена добровольным действием, основание закрыто по выбору передающего. Дата сузилась до года, место — до района, свидетель — до «достаточного круга». Ответы выглядели доказательствами, но не позволяли проверки.

На остановке у дома её ждала мать. Алла Верес стояла под навесом без зонта, хотя дождь кончился десять минут назад. На рукаве мигала синяя метка домашнего медицинского доступа.

— У меня утром повторное подтверждение, — сказала она вместо приветствия. — Почему система спрашивает, живёшь ли ты в нашем круге?

— Она не спрашивает. Она делает отсутствие ответа дорогим.

— Я ответила, что живёшь.

— На какой вопрос?

Алла раскрыла уведомление. «Подтверждаете ли вы устойчивую совместность с Яной Верес после отказа от обязательной оценки?» Внизу стояли две кнопки: подтвердить и отложить. Кнопки отказа не было.

— Я не отказывалась от обязательной оценки. Обязательной оценки быть не может.

— Яна, мне всё равно, как она называется. Завтра перенастраивают дозатор. Без зелёного дома мастер не войдёт.

— Войдёт с разовым поручительством.

— Чьим?

Яна не ответила. Её веса не хватало, Вера после истории с ключом не согласится, а просить Тамару означало переложить риск на пожилую соседку.

Алла посмотрела на таймер на её панели.

— Это из-за Лина?

— Из-за того, кому он передал голос.

— Не начинай снова.

— Он попросил соседей отозвать поручительства за нас. Потом исчез. Семейный круг восстановился. Теперь его молчание оплачивает наши доступы. Что именно мне не начинать?

Мать отступила от входной метки. Створка закрылась между ними; Алла вошла одна и лишь потом придержала дверь. Система отметила раздельное действие.

Дома Яна нашла уведомления соседей: Вера требовала подтвердить безопасность транспортного круга, супруги с шестого этажа ограничили совместное пользование лифтом. Тамара ничего не прислала — и её молчание пугало сильнее всего.

— Ты могла поставить коллеге нейтральную оценку, — сказала Алла. — Не хорошую и не плохую. Просто чтобы закрыть запрос.

— Лин мне не коллега.

— В уведомлении написано «действующий участник».

— В уведомлении нет его имени.

Алла слишком быстро перевела взгляд на окно.

— Мама.

— Я не видела карточку.

— Но знала, о ком запрос.

— Я знала, что ты опять полезла в старую историю.

На столе завибрировал медицинский блок. Алла выключила звук, не глядя.

— Когда Лин передал право голоса? — спросила Яна.

— Я не присутствовала.

— Я спросила когда.

— После твоей аварии.

Яна машинально коснулась запястья. Шрам давно стал тонкой белой веткой. Три года назад грузовая платформа сорвалась на перекрёстке, и её восстановление заняло четыре месяца. Семейный круг тогда просел: мать пропускала смены, Лин отказался от двух учебных поручительств, а Яна не могла подтверждать совместные действия из больницы.

— Нас восстановили за неделю до моей выписки, — сказала она.

— Да.

— Благодаря передаче?

— Нам сказали, что Лин добровольно вошёл в резервный контур.

— Кто?

— Консультант. Имени не помню.

Ложь прозвучала в готовности ответа. Алла помнила всех, от кого зависело здоровье семьи. Яна могла надавить, но получила бы оценку матери вместо факта. Аудиторская привычка слишком легко становилась домашним насилием.

— Покажи исходное уведомление, — попросила она.

— Старые семейные действия закрыты.

— У тебя должен быть чек риска.

Алла встала.

— Если я открою старую передачу, система пересчитает доступ. Лин хотел, чтобы мы не возвращались к этому.

— Он хотел или консультант сказал, что он хотел?

- Ты получила лечение.
- Это не ответ.
- Зато это произошло.

Алла ушла в комнату и закрыла дверь. Таймер уменьшился ещё на минуту. Общая устойчивость семьи — ещё на одну сотую.

Яна открыла служебную справку о третьем запросе. Обычный поиск выдал четыре строки: первый запрос уведомляет, второй подтверждает получение, третий активизирует распределение неопределённости. Она ввела полный термин из предупреждения — «дополнительная неопределённость всех связанных лиц» — и получила инструкцию для операторов доступа. В ней повторялась та же формула без объяснения, как выбираются связанные лица и кто отвечает за ошибочное включение.

В истории редакций правило сначала называлось «Протоколом невозражения», потом — «Протоколом подтверждённого молчания» и лишь затем «Тремя запросами». Менялись слова, но не коэффициенты.

Яна запросила основания жалоб. Доступ был разрешён независимым арбитрам и разработчикам протокола. Её прежний служебный уровень подходил; нынешний — нет.

Она вызвала Дамира. За его спиной шумело управление.

- Аптечное дело закрыто? — спросила Яна.
- В части лекарств. Участие Лина оставил спорным.
- Мне нужен архив жалоб на правило трёх запросов.
- Для какого дела?
- Для моего.
- Ты не можешь вести семейный спор.
- Тогда открой как второй аудитор.
- Письменное основание.
- Система применяет семейное последствие к отказу оценить человека, лишённого возможности говорить. Мне нужно проверить, как отказ становится распределённой неопределённостью.

- Это вопрос к протоколу, не к жалобе.
- Протокол отвечает названием самого себя.
- Доступ будет совместным действием.
- Да.

Через несколько секунд Дамир прислал форму. В поле срока поручительства он поставил двадцать четыре часа. В поле действия: «доступ к обезличенным основаниям жалоб без раскрытия участников». Цена ошибки делилась поровну. Яна прочитала каждую строку и подтвердила.

Архив открылся на одну минуту.

Жалобы описывали цепной эффект. Больной не отвечал управляющему — риск переходил детям и соседям. Женщина отказывалась оценивать бывшего мужа — транспорт теряла её мать. Бригада не свидетельствовала против погибшего — система видела общее сокрытие.

Решения были разными, обоснование — одним: после двух подтверждённых доставок запроса отсутствие ответа является значимым действием.

- Молчание названо действием, — сказала Яна.
- Иногда оно и есть действие.

— Тогда у действия должны быть участник, срок и принятый риск. Здесь участника выбирает система, срок навязан, риск несут третьи лица.

До закрытия архива оставалось двадцать секунд. Яна сортировала жалобы по исходу. Отменённых последствий почти не было. Но в одном деле распределение неопределённости приостановили вручную. Основание: «принимающий голос не подтвердил право толкования».

Она успела сохранить номер редакции, и архив погас.

— Что такое право толкования? — спросила она.

— Не знаю.

— При передаче голоса есть отдельное право решать, что означает молчание.

— Может быть старый термин.

— Или отдельное согласие, которого нет у держателя голоса Лина.

Через минуту Дамир разорвал совместный доступ. Цена поручительства не изменилась: архив признал действие корректным.

Яна нашла редакцию протокола по сохранённому номеру. Документ был доступен, однако приложение с видами передачи закрывалось уровнем разработчика. Зато оглавление показывало названия разделов: голос действия, голос возражения, право толкования, срок возврата, посмертное решение.

В карточке Лина значилось только одно: право свидетельства передано принимающему голосу. Ни права толкования, ни срока возврата.

Значит, кто-то мог отвечать вместо него, но, возможно, не мог решать, что означает его молчание. Система всё равно делала именно это.

Алла вернулась со старым семейным блоком — белой пластиной с выцветшей больничной меткой.

— Я не открою чек, — сказала мать. — Но могу показать, что пришло после него.

На пластине сохранилось уведомление трёхлетней давности: «Семейная устойчивость восстановлена за счёт принятого права возражения. Принимающий участник подтвердил способность отвечать в интересах контура».

— Кто был принимающим участником?

Алла указала на следующую строку. Там стояло имя Яны.

— Я лежала после операции.

— Ты согласилась на восстановление семейного доступа.

Яна помнила форму на больничном экране. Без неё домашний круг матери терял медицинский приоритет. Яна приложила два пальца — ладонь была в повязке. Формулировка говорила о временном семейном поручительстве. Имени Лина там не было.

— Это было согласие отвечать за Лина?

— Нам объяснили, что ты принимала семейный риск, не его голос.

— Система считает иначе.

Таймер на панели мигнул. 43:58:40. Принимающий голос, обещавший проверить устойчивость семьи Верес, был не безымянным человеком за молчанием Лина. Им числилась она сама.

Но ответ на третий запрос пришёл, когда Яна стояла рядом с Дамиром и ничего не подтверждала.

Она открыла журнал собственных действий. В момент ответа там не было ни касания, ни поручительства, ни входа. Только служебная строка: «Автоматическое исполнение принятого права».

— Я не отправляла этот ответ, — сказала она.

Алла села напротив.

— Тогда кто?

Яна вернулась к архивному основанию. Принимающий голос мог отвечать, но право толкования требовало отдельного подтверждения. В её истории такого подтверждения не было. Система использовала согласие двадцатилетней Яны на лечение как бессрочное разрешение говорить от имени брата — и теперь проверяла устойчивость семьи от её же имени.

Она составила возражение. «Ответ принимающего голоса создан без подтверждённого действия. Право толкования не предъявлено. Требую приостановить распределение неопределённости до проверки основания передачи».

Панель попросила оценить достоверность заявителя.

Пять пустых звёзд появились рядом с её собственным именем.

— Что будет, если поставишь себе пять? — спросила мать.

— Я подтверждаю, что могу свидетельствовать о действии, которого не совершала.

— А одну?

— Подтвержу, что моим словам нельзя доверять.

— Другого способа нет?

Яна закрыла звёзды и выбрала «невозможно оценить: заявитель и принимающий голос совпадают». Панель не приняла формулировку. Тогда она добавила номер старой редакции и основание приостановленного дела.

Запрос ушёл. Таймер замер на 43:51:06.

Семейный показатель не восстановился. Медицинский блок матери остался синим, транспортный круг — янтарным. Но впервые после третьего запроса секунды перестали уменьшаться.

Через полминуты пришло служебное уведомление:

Распределение неопределённости приостановлено до проверки права толкования. Для продолжения назовите действие, которым принимающий голос подтвердил бессрочное согласие.

Ниже система указала место подтверждения: больничный корпус «Северный», три года назад, палата послеоперационного восстановления. Время совпадало с той формой, которую Яна подписала двумя пальцами.

А рядом стояло имя заверившего консультанта.

Мираст Грон.

Глава 5. Независимый арбитр

Уведомление от Мираста пришло в половине шестого, когда Яна уже третий раз перечитывала больничную строку.

«Возражение принято. Автоматическое исполнение приостановлено. Для очного разбора явитесь в Узел согласий до 07:30. Вход обеспечен заверителем».

Под сообщением стояло поручительство на один проход и срок — два часа. Риск принимал Мираст Грон. Если Яна использовала вход не для разбора, его служебный вес снижался; если не использовала вовсе, запись исчезала без последствий.

Она показала экран матери.

— Он заверял моё согласие.

Алла поставила медицинский блок на зарядку. Синяя метка пульсировала медленно, будто устройство дышало за неё.

— Тогда спроси, что он нам продал.

— Ты помнишь его?

— Я помню человека в серой куртке, который объяснил, что дозатор привезут утром, если ты приложишь пальцы. Имя я увидела сегодня.

— Он говорил о голосе Лина?

— Он говорил о семейной устойчивости. Мы слышали то, что позволяло получить лечение.

Это было честнее прежнего «не помню». Яна хотела спросить, где тогда находился Лин, но больничный след принадлежал следующему разговору. До Узла согласий оставалось сорок минут.

На улице семейный круг всё ещё был янтарным. У подъезда мастер не мог пройти к дозатору. Алла предъявила найденное Яной разовое поручительство: подписи жильца, мастера и диспетчера, одна дверь, срок до окончания проверки. Через сорок секунд вход открылся. Лечение больше не зависело от ответа о Лине, а риск был назван и ограничен.

Яна сохранила чек действия и пошла к остановке.

Узел согласий располагался в бывшем выставочном павильоне. Здесь не было стоек охраны: посетителей пропускали поручительства тех, кто их вызвал. Над стеклянными воротами медленно менялись цифры — сколько споров разрешено, сколько рисков возвращено свидетелям, сколько доступов сохранено благодаря срочным гарантиям. Последнее число росло быстрее остальных.

Поручительство Мираста открыло боковой проход. Панель предупредила: «Встреча не является служебным опросом. Слова участников не получают веса без отдельного подтверждения». Яна приняла только условие входа.

Мираст ждал в пустом зале. На нём была та же серая куртка, которую запомнила Алла.

— Вы быстро нашли право толкования, — сказал он.

— Оно было спрятано в оглавлении за уровнем доступа.

Он указал на стул, но сам не сел.

— Ваше возражение корректно. Автоматический ответ не должен был сработать без подтверждённого бессрочного согласия.

— Почему сработал?

— Потому что три года назад аварийное правило объединяло семейное поручительство, право возражения и право толкования. После разделения старые согласия перенесли как полный пакет.

— Человек приложил пальцы ради доступа к лечению, а вы называли это полным пакетом.

— Я назвал это аварийной гарантией. Перенос выполнял не я.

— Но заверили вы.

Мираст наконец сел. Между ними загорелась схема больничного корпуса «Северный»: палаты, аптека, маршруты санитарных платформ. Три года назад часть линий была красной.

— В день вашей операции отказал контур доставки. Поручители отзывали гарантии, не зная, сколько пациентов останутся и кто примет риск. За сорок минут мы потеряли семь водителей и две аптечные бригады.

На схеме линии исчезали одна за другой. Затем возникли семейные круги пациентов, и маршруты восстановились.

— Родственникам предложили принять риск задержки: услуга понадобится дольше расчётного срока. Водители увидели людей, готовых подтвердить потребность.

— И мой брат отдал голос?

— Ваш брат уже ограничил свидетельство. Семейное поручительство связало его резерв с вами как с принимающим участником.

— Он был в больнице?

— Этот вопрос не относится к вашему возражению.

— Значит, был.

— Значит, я не имею права превращать его закрытое действие в ответ для вас. Именно этого вы требуете от системы.

Мираст защищал право Лина молчать тем правилом, нарушение которого Яна пришла доказать.

Он сменил схему. На столе появились четыре случая: ребёнок без взрослого поручителя у ночного приюта, водитель после ложной жалобы, спор двух семей об общей кухне и задержанный склад инсулиновых кассет.

— Автоматический риск удерживает услугу, пока люди выясняют отношения, — сказал Мираст. — Он не всегда справедлив. Иногда альтернатива — немедленно закрытая дверь.

В первом деле после третьего запроса сосед согласился встретить ребёнка, если мать не вернётся к полуночи. Приют выдал койку.

— Без распределения никто не обязан был бы увидеть запрос, — сказал Мираст.

— Увидеть — не значит согласиться платить.

— Нет. Но если цена невидима, люди называют отказ принципом, а его последствия оставляют слабейшему.

Яна вспомнила мастера у подъезда. Общая зелёная метка была удобнее, зато разовое поручительство показало каждого участника. Нельзя было просто объявить один способ добром, другой — насилием. Вопрос состоял в том, кто выбирал границу.

— Зачем вы меня вызвали?

Мираст убрал дела. На столе осталось объявление конкурса независимых арбитров. Прерванная непрерывность допуска Яны была выделена янтарным.

— Ваш служебный вес можно восстановить досрочно.

— За отзыв возражения?

— За доказательство, что возражение выдерживает реальный случай. Вы утверждаете: автоматический риск должен приостанавливаться, если право толкования не предъявлено. Проверьте это на ограниченном контуре и предложите замену, которая не закроет доступ до разрешения спора.

— А если замены нет?

— Зафиксируете, что автоматическое распределение устойчивее вашего правила.

— И тогда получу повышение?

— Тогда получите право участвовать в конкурсе. Независимый арбитр обязан предъявлять цену собственной ошибки.

На её панели появилась форма. Срок — трое суток. Объект — четыре случая, которые он только что показал. Доступ к обезличенным действиям, редакциям протокола и журналам возврата риска. Запрещено раскрывать личности, менять действующие оценки и связываться с участниками напрямую. Итогом должен стать проверяемый сценарий, а не мнение.

Цена ошибки распределялась странно: два пункта служебного веса Яны и один пункт Мираста. Если эксперимент задержит критическую услугу, его доля удваивалась. Если Яна выйдет за пределы поручительства, вся цена переходила ей.

— Вы ставите на автоматический риск, — сказала она.

— Я ставлю на проверку.

— Вы выбрали случаи, где протокол уже оказался полезен.

— Разумеется. Бесплезное правило легко отменять. Докажите свой принцип там, где отмена чего-то стоит.

Она открыла больничное подтверждение рядом с формой поручительства.

— Сначала исправьте мою запись.

— Возражение уже остановило исполнение.

— Остановка — не исправление. В истории я всё ещё бессрочно отвечаю за Лина.

— Для отмены требуется установить, какая часть старого согласия была временной.

— В форме написано «до восстановления домашнего медицинского доступа».

— В вашей копии. В журнале заверителя срок хранится как условие, а не дата. Доступ восстановлен, но связанное действие Лина не закрыто.

— Потому что система не позволяет ему закрыть его собственным голосом.

— Потому что отзыв может обрушить семейные гарантии, принятые другими людьми.

Односторонняя отмена тоже назначает цену тем, кто не участвовал в решении.

Возле её старого согласия стояли два окончания: восстановление медицинского доступа и завершение связанного резерва. Первое наступило три года назад. Второе не имело срока.

— Кто добавил второе условие?

— Автоматический перенос.

— Который вы предлагаете мне защищать на практике.

— Который я предлагаю вам проверить. Если я уже знаю ответ, поручительство мошенническое.

На табло число сохранённых доступов увеличилось на один. Система работала не только из-за страха потерь: иногда она давала помощи точную форму.

Яна посмотрела на четыре дела. В случае с инсулиновыми кассетами до окончания без-опасного срока оставалось девять часов. Эксперимент запрещал задерживать услугу, но любая неудачная замена могла именно это сделать.

— Мне нужен пятый случай, — сказала она. — Мой.

— Вы не можете быть арбитром семейного спора.

— Поэтому я не буду принимать решение по записи Лина. Я проверю только машинное утверждение, что временное согласие стало бессрчным. Без доступа к собственному журналу эксперимент искусственный.

— Ваш журнал содержит личности.

— Дайте отдельный слой: время, виды согласий, условия окончания и все автоматические преобразования. Без имён, кроме моего.

— Это повысит мой риск, — сказал он.

— Вы заверитель.

— Именно поэтому не могу оценивать собственное действие.

— Тогда назначьте второго держателя.

Он отправил форму в служебный круг. Первые двое отказались без объяснений. Третья участница, арбитр Сания Ров, приняла доступ к журналу, но ограничила его шестью часами и

запретила копирование исходных строк. Её поручительство стоило ей половины пункта; Яне — один пункт, если сведения будут использованы вне проверки.

Расследование разделилось: трое суток для обезличенных случаев и шесть часов для больничного переноса. Яна могла лишь остановить неверное преобразование и передать спор Сании.

— Вот так выглядит предел, — сказала Яна. — Не доверие ко мне вообще. Конкретное действие, срок и цена.

— И три отказа, один из которых вы уже превратили в согласие, — ответил Мираст.

— Два отказа и одно принятое поручительство.

— Вы не знаете причин отказов.

— Мне не нужно их знать.

Впервые за встречу он улыбнулся — не одобрительно, а словно услышал нужную формулировку раньше, чем ожидал.

— Тогда сформулируйте, что именно проверяете.

Яна внесла в поле цели: «Устойчивость доступа при замене автоматического риска ограниченными поручительствами: непрерывность услуги, видимость цены, право отказа без толкования причины и закрытие риска по условию».

В поле недопустимого результата она записала: «Перенос риска на нулевой голос, семейный круг или иного участника без названного действия и срока».

Мираст прочитал и добавил собственное ограничение: «Критическая услуга не может быть прервана ради чистоты эксперимента. При отсутствии замены действует прежний протокол, а не предположение исследователя».

Это оставляло автоматическому риску преимущество: он всегда мог вернуться последней страховкой. Но без такого условия Яна проверяла бы идею на чужом инсулине.

— Принимаю, — сказала она.

Панель запросила не оценку Яны или Мираста, а пять отдельных согласий: просматривать журналы, строить замены, не связываться с участниками, не раскрывать сведения и передать личный спор второму арбитру. У каждого был свой срок.

Последним открылось поручительство Мираста. Он принимал риск её служебного доступа и обязался не использовать результат как подтверждение полного больничного согласия.

— Добавьте, что повышение не зависит от вывода, — сказала Яна.

— Зависит от качества доказательства.

— Это можно оценить после того, как вы увидите неудобный результат.

Мираст вызвал Санию как второго держателя решения. Через минуту появилась строка: «Допуск к конкурсу восстанавливается при выполнении заявленного сценария и раскрытии всех отрицательных результатов; вывод о превосходстве протокола не является условием».

Яна перечитала формулировку. Ловушка могла быть в будущей цене, но теперь имела границы.

Она подтвердила поручительство.

Служебный вес не вырос, семейный круг не позеленел, Лин не вернул голос. Вместо награды Яна получила шесть часов доступа к больничному журналу и четыре дела, где принцип не должен был стать чьей-то закрытой дверью.

Мираст проводил её к выходу.

— Три года назад вы тоже подписали ограниченную форму, — сказала Яна. — Почему тогда не остановили перенос?

— Потому что считал сохранённый доступ важнее несовершенного согласия.

— А сейчас?

— Сейчас вы получили возможность доказать, что это был не единственный выбор.

В вестибюле табло снова изменилось. Яна открыла чек утреннего входа мастера: три участника, одна дверь, сорок секунд, ноль семейных оценок. Первый готовый пример уже лежал у неё в журнале.

Она добавила его к сценарию не как доказательство победы, а как рабочую замену. Затем приняла ограниченное расследовательское поручительство и запустила отсчёт.

Пять часов пятьдесят две минуты.

В больничном журнале появилась первая строка автоматического переноса. Между временным согласием Яны и бессрочным правом толкования стояла операция без участника.

Глава 6. Круг двора

Первый случай оказался в соседнем квартале — во дворе, через который Яна ходила к трамваю.

Ещё вчера там стояли велосипеды, сушилось бельё и двое мальчишек спорили, кому вести мяч. Теперь над каждой аркой светилась янтарная полоса. На подъездных панелях появился общий запрос: «Подтвердите непрерывность наблюдения до восстановления транспортной квоты».

Город выделял кварталам места в утренних шаттлах не только по числу пассажиров. Район должен был подтвердить безопасность площадки и отсутствие чужих пропусков. После разбитого окна и драки квоту сократили с сорока восьми мест до двадцати девяти.

Жители создали круг двора: подъезды обещали следить за аркой, площадкой и соседними окнами. Чем больше людей принимало риск, тем устойчивее выглядел маршрут. За двое суток присоединились сто семь человек.

У входа Яну встретила распорядительница Нора Сей в жилете с белыми полосами.

— Вы из Узла? — спросила она.

— Аудитор ограниченного эксперимента. Мне нужен спор двух семей об общей кухне.

— Уже не о кухне.

Нора провела её под арку. На стенах висели листки с часами дежурств. Рядом с именами стояли отметки: «вижу площадку», «слышу арку», «могу выйти». Это напоминало предложение Яны: действие, срок, цена. Только некоторые окна были отмечены красным контуром.

— Красные отказались? — спросила она.

— Не подтвердили участие. Мы не называем это отказом.

— Но выделяете цветом.

— Иначе дежурные не знают, где остаётся слепая зона.

Во втором подъезде их ждали сестры Касовы, снимавшие две комнаты на одном этаже. Эльма держала столовую, её младшая сестра Рута работала в ремонтном депо. Напротив жила семья Орсовых. К их квартире и тянулся красный контур.

Общая кухня была заперта. Панель показывала спор: Орсовы отозвали поручительство после того, как Рута записала их сына у служебной двери. Без второго поручителя кухня закрылась для обеих семей. Автоматический риск собирался распространить ограничение на этаж.

Рута показала запись: сын Орсовых вынес контейнеры, придержал служебную дверь и выключил свет. Через час разбили окно шаттла. Самого удара Рута не видела, но добавила его к пояснению. Её форма связывала кухню и арку до восстановления квоты.

Дверь квартиры Орсовых открыла женщина в домашней кофте. Она не представилась, только включила запись сына. На ней парень в рабочей форме вынес контейнеры, придержал дверь ногой и выключил свет. Через минуту свет включился снова.

— Он убирал стекло после предыдущей смены, — сказала женщина. — Дверь держал, потому что замок заедает. Свет выключил вместо вытяжки. Рута знала это, но кругу нужен виноватый.

— Я передала действие, — возразила Рута. — Решение приняла система.

— Ты добавила окно шаттла в пояснение.

— Потому что оно разбито.

Орсова повернулась к Яне:

— Сначала нас просили смотреть за площадкой. Потом — сообщать, кто вышел поздно. Сегодня Нора спросила, почему мой муж не появляется у окна в свои часы. Завтра попросят отмечать, когда мы ложимся.

— Никто не спрашивает, когда вы ложитесь, — сказала Нора.

— Пока.

Яна запросила журнал круга. Первое поручительство занимало четыре строки: площадка, два часа утром, вызов распорядителя при угрозе, потеря одного места при пропуске. Через сутки к нему добавили арки. Затем служебные двери, лестничный свет, незнакомые лица, передачу пропусков и «поведение, способное повлиять на транспортную устойчивость». Последняя формулировка не имела границ.

Каждое расширение принималось отдельно. Никто не подделывал согласия. Жильцы сами нажимали подтверждение, потому что после очередного участника прогноз возвращения квоты становился зеленее. Цена отказа тоже была честно показана: если устойчивость падала ниже порога, маршрут получал меньше мест.

— Нам не платят за слежку, — сказала Нора, заметив, что Яна листает изменения. — Мы защищаем собственный транспорт.

— Кто определяет, какое наблюдение необходимо?

— Круг голосует.

— Орсовы голосовали за добавление служебных дверей?

— Они воздержались.

— Как система истолковала воздержание?

Нора помолчала.

— Как отсутствие дополнительного риска с их стороны.

На панели это выглядело безобидно. Сто шесть участников прибавили к кругу маленькие доли. Орсовы не прибавили ничего. Но общий прогноз показал, что именно их квартира мешает пересечь порог. Соседи увидели не сложение чужих решений, а красное окно.

Поручительство Мираста позволяло заменить автоматический риск узким действием, если кухня оставалась доступной. Яна потребовала отделить состояние двери от разбитого окна и ограничить проверку сутками. Рута возразила, что этого мало. За её плечом уже собирались жильцы.

Яна составила замену. Кухня открывалась обоим семьям на сутки. Орсовы поручались закрывать служебную дверь и вызвать мастера, если замок снова заест. Рута наблюдала только за состоянием двери в два названных промежутка, не записывая лица. Если дверь оставалась открытой дольше трёх минут, доступ к ней приостанавливался, но кухня продолжала работать.

Орсовы рисковали одним местом, Рута — дежурством, Нора — частью веса распорядителя. Яна принимала служебный пункт, если замена скроет подтверждённое нарушение. Никто не отвечал за чужие намерения.

Орсова прочитала форму первой.

— Я не хочу, чтобы Рута смотрела на мою дверь.

— Можете отказать без объяснения, — сказала Яна. — Тогда предложите другое проверяемое действие.

— Мастер поставит датчик закрытия. Без камеры и имён.

Нора тут же проверила расписание. Мастер мог прийти вечером, но до этого оставалось семь часов.

На семь часов оставили ручную отметку, затем — датчик. Орсова согласилась. Рута — после паузы. Дамир подключился как второй держатель и убрал из формы строку «при подозрительном поведении», которую шаблон добавил автоматически.

Когда все подписи легли на место, замок кухни щёлкнул. Эльма вошла, сняла с плиты кастрюлю и молча поставила её на стол Орсовых. Это не было примирением и не требовало оценки. Просто еда принадлежала обоим семьям.

Яна сохранила результат эксперимента: услуга восстановлена за девять минут, автоматическое распространение риска остановлено, цена названа, отказ не истолкован. Сценарий работал.

Через три минуты транспортный прогноз квартала снизился ещё на две десятых.

Над красным окном Орсовых возникла надпись: «Локальная гарантия не поддерживает общий контур». Жильцы увидели её одновременно. В толпе кто-то выдохнул так, словно Яна собственноручно сняла с маршрута автобус.

— Вы обещали не уменьшать устойчивость, — сказала Рута.

— Я обещала не прерывать услугу. Точная гарантия не подтверждает всё, что раньше подтверждал общий круг.

— Значит, из-за их права на отказ мы потеряем ещё места?

— Из-за того, что прежнее поручительство соединяло дверь, кухню, окна и чужие помещения.

— Автобусу всё равно, как это называется.

Слова подхватили. Люди считали смены: медсестра не успеет к приёму, ученик — к первой паре, двое рабочих потеряют премию за опоздание. Нора не подогревала спор, но и не останавливала его. Она показала прогноз: если ещё четыре квартиры выйдут из общего наблюдения, утренних мест станет двадцать четыре.

Кто-то постучал Орсовым в дверь и потребовал не занимать «общее» место в шаттле. Точная гарантия не принуждала семью, но оставляла вокруг сто шесть человек, каждый из которых мог назвать свою потерю.

Яна встала между дверью и собравшимися.

— Поручительство принято. До его нарушения дополнительный запрос не имеет отношения к спору.

— Имеет отношение к квоте, — возразил мужчина в форме пекарни. — Мы тоже рискуем. Почему их отказ важнее нашего риска?

— Не важнее. Но ваш риск не даёт вам права расширять их согласие.

— Красивые слова для человека, у которого есть служебный маршрут.

У Яны его больше не было, но оправдание ничего бы не изменило. Мужчина говорил не из жажды власти. Его смена начиналась до первого трамвая; без шаттла он действительно мог потерять работу.

Нора вызвала голосование: сохранить узкую гарантию или вернуть прежний контур. Орсовы не состояли в круге и не могли повлиять на результат.

— Остановите голосование, — сказала Яна.

— На каком основании?

— Оно назначает последствия людям, которые не принимают решения.

— Последствия назначены квотой. Мы выбираем, как их распределить.

Круг не создавал нехватку мест, но превращал несогласного в удобную причину.

Поручительство Яны касалось одного спора. Она могла лишь зафиксировать давление как отрицательный результат.

На панели голоса прибывали один за другим. За возврат общего контура высказались семьдесят восемь человек. Против — девять. Остальные молчали. После третьего запроса их молчание должно было увеличить риск круга.

Орсова открыла дверь.

— Что нужно нажать, чтобы вы ушли?

Нора протянула ей форму общего наблюдения.

— Не нажимайте из-за толпы, — сказала Яна.

— А из-за автобуса можно?

Яна не нашла ответа, который вернул бы женщине свободный выбор. Убрать толпу можно было, но не двадцать девять мест.

Орсова пролистала действия. В обновлённом шаблоне по-прежнему значилось «поведение, способное повлиять на транспортную устойчивость».

— Этого нет в нашем поручительстве, — сказала Яна.

— Это круговое, — ответила Нора. — Оно отдельно.

— Тогда отделите и на экране. Дверь не должна выглядеть согласием на всё остальное.

Нора нехотя раскрыла список. Орсова выбрала только площадку с семи до девяти утра и отказалась от окон, арок, служебных проходов и незнакомых лиц. Прогноз поднялся на одну сотую — слишком мало, чтобы вернуть место.

Толпа не разошлась.

Тогда Эльма Касова закрыла столовую на завтрашнее утро и внесла освободившееся транспортное место в общий резерв. Рута посмотрела на сестру так, будто та предала круг.

— У тебя поставка, — сказала она.

— Перенесу. Я начала спор, потому что хотела открыть кухню, а не запретить людей в квартире.

Её место не решало проблему квартала, но сбивало удобный счёт: теперь цену отказа платили не только Орсовы. Пекарь предложил разделить раннюю доставку с соседней улицей. Ещё двое записались пройти пешком до узловой остановки. Нора создала временный список обмена местами.

Общий прогноз остался янтарным, зато люди отступили от двери.

Яна отметила второй результат: ограниченное поручительство устранило ложную связь между кухней и безопасностью шаттла, но не защитило отказ от коллективного давления. Видимая цена сделала границу яснее и одновременно указала толпе, на кого её направить.

Дамир всё ещё был на связи.

— Для отчёта нужен источник шаблона, — сказал он. — Кто добавил расплывчатое действие?

Нора открыла историю редакций. Первую версию круга составили сами жильцы. Вторая пришла из транспортного узла как рекомендуемая. Третья появилась после автоматического объединения с семейными поручительствами квартала.

— Автоматического? — переспросила Яна.

— Чтобы не собирать согласия заново, — сказала Нора. — Система взяла действующие семейные границы. Иначе квоту не восстановили бы даже частично.

В журнале стоял тот же тип операции, что в больничной записи: перенос действующего согласия в новый контур без отдельного участника. Только здесь временная забота о семье превратилась в наблюдение за двором.

Яна запросила основание. Панель показала ссылку на старую редакцию протокола и закрытую цепочку наследования. Просмотреть можно было только начало и конец: «семейная устойчивость» — «транспортное наблюдение». Средние звенья скрывались за правами участников.

Одно имя всё же появилось в списке источников. Не как свидетель и не как поручитель — как переданное право, использованное для заполнения отсутствующего согласия.

Лин Верес.

Запись относилась к трёхлетней давности, но квартал был не их семейным адресом. Право брата переходило между контурами, которым он никогда не мог возразить.

Шестичасовой доступ Сании истекал через два часа семнадцать минут. Яна закрыла спор кухни, сохранила отрицательный результат и направила Дамиру ссылку на цепочку.

— Следующий случай? — спросил он.

— Сначала найдём исходную передачу голоса Лина. Пока её границы не известны, мы не знаем, сколько чужих кругов отвечают его молчанием.

Над двором всё ещё горели янтарные полосы. Окна больше не были красными, но люди продолжали смотреть друг на друга, потому что утренних мест от этого действительно становилось больше.

Яна запустила поиск первой записи передачи.

Глава 7. Голос брата

Цепочка начиналась с пустого поля.

Яна открыла его в служебной кабинке транспортного узла. До закрытия доступа Сании оставалось два часа девять минут. На экране помещались только начало и конец переноса: семейная устойчивость Верес и дворовое наблюдение квартала, в котором никто из Вересов не жил.

— Ищи тип права, — сказал Дамир. — Имена закрываются участниками. Операции закрыть нельзя.

Яна поставила фильтр: право возражения, передача, автоматическое наследование. Появилось сто восемьдесят четыре строки. Большинство относилось к людям с действующим голосом. Они могли отозвать передачу, подтвердить новый контур или хотя бы увидеть запрос.

У Лина не было ни одной такой возможности.

Она убрала все операции с подтверждённым получателем. Осталось семнадцать. Затем исключила передачи, совершённые после потери голоса. Четыре строки легли одна под другой: больничный доступ, семейное восстановление, районная устойчивость, транспортный круг.

Между первой и второй стоял знак ручного действия.

— Вот исходная запись, — сказала Яна.

— Пока только указатель.

Запись хранилась в архиве кризисных соглашений больницы «Северный». Служебное поручительство не давало читать её содержание, но позволяло запросить обезличенный чек: время, участников действия, заявленную цель, срок и тип принятого риска.

Яна отправила запрос. Система потребовала согласие держателя записи.

Им оказался Лин.

Запрос ушёл человеку без права отвечать.

— Идеальная дверь, — сказал Дамир. — Открывается ключом, который лежит внутри.

Она просмотрела журнал создания записи. Держатель назначался в момент подписания, но заверитель обязан был сохранить аварийный доступ для проверки принуждения и ошибки формы. Заверителем числился Мираст. Вторым хранителем — больничный координатор, имя которого закрывала медицинская тайна.

Яна направила запрос обоим. Мираст ответил сразу: «Открытие возможно только для проверки границ согласия. Личные причины и медицинские сведения исключить».

Второй хранитель молчал.

Система предложила распределить ожидание по семейному кругу, затем использовать принимающий голос. Яна отказалась: третий запрос снова заставил бы её отвечать за брата.

— Нужна замена ожиданию, — сказала она.

— У тебя осталось меньше двух часов.

— Значит, действие должно занимать меньше.

Дамир нашёл хранителя больничных чеков. Тот мог подтвердить, была ли передача ограничена услугой и содержала ли автоматическое продление. Вторым свидетелем стала Сания.

Через четыре минуты пришёл результат: передача была связана с восстановлением домашнего медицинского доступа. Явного права автоматического продления в исходной форме не было.

Система ошибочно расширила согласие, но исходный выбор брата оставался добровольным.

— Запроси сам чек, — сказал Дамир.

— Второй хранитель не ответил.

— Теперь у нас подтверждена ошибка границы. Это основание аварийного доступа.

Яна приложила результат Сании и запросила минимальный слой: действие, цену, срок и получателя, без диагнозов и причин передачи.

На экране появился короткий документ трёхлетней давности.

Лин Верес передавал право возражения по семейному медицинскому поручительству Яне Верес до восстановления домашнего доступа Аллы Верес. Он принимал цену: невозможность оспорить действия, необходимые для исполнения этого поручительства. Яна становилась принимающим голосом только в его пределах. После закрытия услуги право должно было вернуться Лину либо прекратиться, если к тому времени его общий голос будет нулевым.

Под строками стояло подтверждение Лина. Не автоматическая метка и не подпись матери. Его собственное действие.

Яна перечитала его трижды.

— Он знал, что может стать нулевым, — сказала она.

— Это не причина, — напомнил Дамир.

— Я и не спрашиваю причину.

Но она спрашивала. Почему Лин ожидал потерять голос? Почему выбрал её получателем? Почему перед исчезновением просил соседей отозвать поручительства за семью, если сам помог восстановить её рейтинг?

Внизу была строка, которую она сначала не заметила: «Передача совершена взамен отсутствующего риска принимающего участника».

— Какого риска у меня не было?

Дамир увеличил служебную часть. В день аварии Яна лежала после операции и не могла подтвердить продолжение домашнего лечения. Без её согласия семейный круг считался незавершённым. Лин передал своё право, чтобы система приняла будущий ответ Яны и не ждала её немедленного действия.

Она вспомнила больничный потолок, разбитый на светлые квадраты. Мираст в серой куртке просил приложить пальцы. Мать говорила о дозаторе. О Лине Яна не помнила ничего.

— Он отдал право, пока я не могла поручиться сама.

— На срок услуги, — сказал Дамир. — Не на три года.

Семья получила лечение благодаря Лину. Потом Яна подтвердила поручительство и заняла место, через которое его молчание превратили в ответ. Она не создавала перенос, но её устойчивость делала его выгодным.

Система показала операцию закрытия услуги. Домашний доступ Аллы восстановили через девять дней. В тот же момент право должно было прекратиться.

Вместо прекращения появился ручной запрос: «Сохранить семейную непрерывность при нулевом голосе передающего участника?»

Получателем запроса значилась Яна.

Ответ: «Подтверждено».

— Я этого не делала.

Дамир проверил способ подтверждения. Не пальцы, не личная панель, не голосовой чек. Ответ был выведен из принятого Яной больничного согласия по старому аварийному правилу.

— Вот операция без участника, — сказал он. — Твоё согласие на лечение стало согласием сохранить передачу.

— А потом передачу использовали для других кругов.

Она раскрыла наследование. Семейная непрерывность повысила рейтинг дома. Домовой круг вошёл в районную гарантию. Районная гарантия поддержала транспорт. На каждом шаге появлялась польза: доступ к мастеру, ночные маршруты, стабильная квота. И на каждом шаге исходная граница Лина становилась менее видимой.

Яна сформировала возражение: прекратить все переносы, происходящие от закрытого медицинского поручительства, и пересчитать связанные доступы без резерва Лина.

Панель показала последствия. Семейный круг Верес опустится ниже медицинского порога. Два домовых поручительства потребуют замены. В транспортном квартале исчезнет ещё одна доля устойчивости. Три действующих услуги перейдут в ожидание.

— Если отправишь сейчас, эксперимент нарушит условие непрерывности, — сказал Дамир.

— Если не отправлю, оставлю чужое право работать после окончания срока.

— Можно остановить новые переносы и дать действующим срок на замену.

— Тогда мы признаем их законными до срока.

— Нет. Мы признаем, что ошибку нельзя исправлять чужой закрытой дверью.

Срок доступа Сании показывал час двадцать одну минуту. Яна разделила возражение на три действия. Первое немедленно запрещало новые наследования от записи Лина. Второе помечало действующие контуры как требующие отдельного согласия и называло срок — двадцать четыре часа. Третье прекращало её право отвечать за Лина сразу, без ожидания замены.

Последнее било только по семье Верес.

Она подтвердила его первой.

На панели семейный круг стал красным. Медицинский блок Аллы сохранил текущую настройку, но следующая доставка дозаторов потребовала нового поручительства. У Яны исчезло поле «принимающий голос». Впервые запрос Лину не предлагал ответить через неё.

Пустота на месте ответа выглядела страшнее любого предупреждения.

— Теперь остальные, — сказала она.

Дамир принял второе свидетельство. Сания — третье. Мираст должен был подтвердить, что отсрочка не будет истолкована как новое согласие участников.

Он отклонил общий срок и потребовал отдельный для каждого действия.

Яна исправила: до ближайшей доставки для медицинских услуг, до конца смены для транспортных, до первого открытия для дверей. Мираст принял форму и добавил собственный служебный риск, если хотя бы один контур продлится автоматически.

Пересчёт начался. По городу разошлись не требования оценить Лина, а запросы на конкретные замены. Диспетчер должен был подтвердить одну смену. Семья — одну доставку. Жильцы — одну дверь. Отказ больше не возвращался к Яне и не означал ответ брата.

Но вместе с запросами на экране росла цена. Один ночной маршрут мог сократиться. Мастерская рисковала потерять ранний допуск. Алле требовался новый поручитель до четверга.

Яна позвонила матери.

Алла ответила не сразу. За её спиной шумел дозатор.

— Ты нашла запись?

— Лин передал мне право возражения, когда я не могла подтвердить лечение. Только до восстановления доступа.

Мать закрыла глаза.

— Я знала про передачу.

— Почему не сказала?

— Потому что ты спросила, отдал ли он голос. Я не знала, что это одно и то же.

— Он ожидал стать нулевым.

— Он сказал, что его свидетельства скоро перестанут принимать. Я решила, речь о работе.

— Где он был?

Алла посмотрела в сторону, и Яна остановила следующий вопрос. Причина передачи не входила в открытый слой. Право Лина не объяснять её не исчезало только потому, что семья получила выгоду.

— Я прекратила своё право отвечать за него, — сказала Яна. — Наш круг красный. К четвергу нужен отдельный поручитель для доставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.